

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОРОДЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одной из самых гнусных и бесстыжих клевет на нашу Родину является, к сожалению, весьма распространенное до сих пор, мнение о Российской Империи, как о «тюрьме народов». Вторя своим западным коллегам, дореволюционные либеральные, а затем их наследники, большевистские, да и современные демократические псевдо-историки постоянно ассоциируют политику Российских Императоров в отношении инородцев с «национальным гнетом, насильственной русификацией и оголтелым шовинизмом». Само слово «инородцы», в отличие от, например, «иноверцы» или «инославные», стало рассматриваться как обидное и неприемлемое для «порядочного, интеллигентного человека». Хотя оно ничего другого не означает, как народы, не относящиеся к титульной, как ныне принято говорить, нации, т.е. к русскому народу. Народу во всех трех его ветвях – великорусской, малороссийской и белорусской.

Самое удивительное, что мнение об угнетении в Российской Империи национальных меньшинств, или, если угодно – малочисленных народов, достаточно живуче и в наши дни. И это несмотря на то, что основывается оно, главным образом, на ангажированных известными силами произведениях художественной литературы и нескольких превратно истолкованных исторических эксцессов, инициированных, кстати, не стремлением к национальному равноправию, а интернациональной, вернее антинациональной «борьбой за светлое будущее всего человечества».

Если же беспристрастно обратиться к такому, несомненно, важному источнику, как российское имперское законодательство, то становится совершенно очевидным, что в Российской Империи коренные народы, населявшие территории, добровольно или по жребию войны вошедшие в ее состав, не только уравнивались в своих правах с русским народом, но, зачастую, пользовались определенными привилегиями: дополнительными правами и освобождением от известных обязанностей.

Ярким примером именно такой национальной политики является, прежде всего, законодательство о правах населения Великого Княжества Финляндского¹.

Еще до окончания русско-шведской войны, в результате которой Финляндия вошла в состав России, Император Александр I 5 (17) июня 1808 года издал Манифест, по которому население Финляндии полностью уравнивалось в правах с остальными подданными. Более того, за ним сохранялись права и преимущества, установленные до присоединения к России. Начиная от Александра I, все Российские Императоры неизменно подтверждали коренные законы края, право финляндцев на свободное отправление их веры, права собственности и преимущества, которыми они ранее пользовались.

Одной из древних привилегий финляндских жителей было право участвовать в законодательной работе, посредством обсуждения законодательных предложений в избираемом ими сейме. Порядок образования и работы финляндского сейма до 1869 года регулировался уставом, изданным еще до вхождения Финляндии в состав Российской Империи. 15 (3) апреля 1869 года Императором Александром II – Освободителем, которому на одной из главных площадей Хельсинки по сей день стоит великолепный памятник, был издан новый сеймовый устав, могущий и сейчас в отдельных своих положениях послужить примером для актов, регулирующих деятельность народных представительств.

Сообразно с народным обычаем финляндский сейм состоял из представителей сословий рыцарства и дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Таким образом, все сословия Финляндии были привлечены к разработке законодательных положений, касающихся их страны. Весьма примечательно, что своих особых депутатов избирали преподаватели и штатные чиновники университета края и штатные преподаватели, как тогда говорилось, элементарных учебных заведений. При этом способ и порядок выборов определялись самими избирателями. Право избирать депутатов в сейм предоставлялось как христианам, так и лицам,

исповедующим другую веру. Однако ни избирать, ни быть избранным не могли лица, объявленные не заслуживающими доверия сограждан или недостойными быть уполномоченными от других. Были лишены активного и пассивного избирательного права те, кто был изблечен в приобретении голосов деньгами или подарками либо нарушал свободу выбора насилем или угрозами, а также те, кто подали свои голоса за вознаграждение.

Финляндский сейм обладал весьма обширными полномочиями, в качестве гарантии которых было установлено, что сеймовый устав, определяемый как ненарушимый основной закон, как для Финляндии, так и для Монарха, мог быть отменен только с согласия самого сейма.

Депутаты сейма пользовались правом законодательной инициативы в отношении законов, касающихся Финляндии. В соответствии с Основными положениями о составлении и обнародовании законов, издаваемых для Империи со включением Великого Княжества Финляндского, заключение сейма требовалось по всем проектам законов, применяемых в пределах Финляндии, как специально для Финляндии издаваемых, так и общеимперских.

Согласно закону о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения заключение сейма и финляндского императорского сената требовалось, в частности, в отношении следующих вопросов:

- участие Финляндии в государственных расходах и установление для этого взносов, сборов и налогов;
- отбывание населением Финляндии воинской повинности, а также других повинностей, служащих для военных надобностей;
- права в Финляндии не состоящих Финляндскими гражданами русских подданных;
- употребление в Финляндии государственного языка;
- основные начала управления Финляндии особыми установлениями на основании особого законодательства;
- права, обязанности и порядок действий в Финляндии Имперских учреждений и властей;
- исполнение в Финляндии судебных приговоров, решений и постановлений и требований властей других частей Империи, а также совершенных в них договоров и актов;
- установление в государственных интересах изъятий из финляндских уголовных и судопроизводственных законов;
- обеспечение государственных интересов в деле установления программ преподавания и надзора за ним;
- правила о публичных собраниях, обществах и союзах;
- права и условия деятельности в Финляндии обществ и компаний, учрежденных в других местностях Империи и за границей;
- законодательство о печати в Финляндии и привоз в нее произведений печати из-за границы;
- таможенная часть и таможенные тарифы в Финляндии;
- охрана в Финляндии торговых и промышленных знаков и привилегий, а также прав литературной и художественной собственности;
- денежная система в Финляндии;
- почта, телефоны, воздухоплавание и тому подобные способы сношений в Финляндии;
- железные дороги и иные пути сообщения в Финляндии в их отношениях к обороне государства, а также к сообщениям между Финляндией и прочими частями Империи и к сообщениям международным; железнодорожный телеграф;
- мореплавание, лоцманская и маячная части в Финляндии;
- права в Финляндии иностранцев.

Для действенного контроля со стороны народного представительства за административными властями края немедленно после открытия сейма ему, прежде всего, сообщалось о том, каким образом доходы казны употреблены на пользу и благо края. Финляндский сейм избирал двух членов Государственного Совета Российской Империи. В состав Государственной Думы также входили четыре члена от населения Финляндии. При этом, правила о порядке избрания тех и других устанавливались сеймом самостоятельно. В 1906 году, в связи с образованием общеимперских органов народного представительства, Императором Николаем II был принят новый сеймовый устав, закрепивший принцип прямого, пропорционального и равного избирательного права, включая женщин. Вместе с тем, было сохранено ограничение в избирательных правах для лиц, нарушивших или покушавшихся на нарушение свободы выборов. Было установлено, что должностные лица, за посягательство повлиять своею служебной властью на сеймовые выборы, лишались должностей.

За нарушение свободы выборов подговорами или обещаниями виновные подвергались тюремному заключению, а работодатели, препятствовавшие осуществлению их работниками избирательного права, подвергались денежным штрафам. Было подтверждено ранее действовавшее правило о том, что сеймовые депутаты при осуществлении своих полномочий не связаны никакими иными нормами, кроме как содержащимися в самом сеймовом уставе. Депутаты финляндского сейма без согласия последнего не могли привлекаться к судебной ответственности за выраженные ими мнения или вообще за поведение во время прений. Они не могли также подвергаться административному задержанию, за исключением случаев, когда депутат был застигнут при совершении преступления, влекущего наказание тюремным заключением сроком не менее шести месяцев.

В случае оскорбления депутата словом или действием лицом, которому было известно, что оскорбляемый является депутатом сейма, такое обстоятельство считалось отягчающим вину. Примечательно, что это положение распространялось не только на депутатов, но и на секретарей и вообще служащих сейма.

Депутатам предоставлялось право проезда к месту проведения сессии сейма и обратно за счет казны. За время сессии (90 дней) депутату выплачивалось вознаграждение в размере 1400 финляндских марок. В то же время, если депутат без уважительной причины не являлся на заседание сейма, он мог быть присужден сеймом к вычету в размере 15 марок в день и, кроме того, к денежному взысканию, не свыше суммы вычета. При неявке, несмотря на наложенное взыскание, сейм имел право лишить депутата его звания.

В законодательной работе, в том числе и в порядке, предусмотренном для издания законов, равно использовались русский, финский и шведский языки. Переписка Статс-Секретариата с финляндскими властями велась на финском или шведском языке, а с русскими – на русском. К подлинникам на финском и/или шведском языке, прилагались переводы на русский. Таким образом, юридически в Финляндии было установлено три государственных языка.

Финляндцы были наделены правом занимать все административные должности Великого Княжества, причем, только для назначения на должности в Статс-Секретариате и Канцелярии Генерал-Губернатора требовалось иметь высшее образование и, естественно, знание русского языка. В отношении же почтовых, железнодорожных и таможенных чинов необходимость знания русского языка определялось финляндским сенатом. Это же касалось определения территорий Великого Княжества, на которых должно было предъявляться к кандидатам соответствующее требование.

В целом уровень прав и свобод финляндцев по сравнению с русскими был настолько высок, что в 1912 году Императору пришлось даже издать закон об уравнивании в правах с финляндцами других русских поданных, предоставлявший лицам, окончившим учебные заведения в иных областях Империи, равные права с выпускниками соответствующих

финляндских средних и высших школ. Этим же законом исповедующим христианство русским подданным на одинаковых с финляндскими гражданами основаниях было предоставлено право занимать должности преподавателей истории. Русские подданные получили право подавать в учреждения и должностным лицам Великого Княжества бумаги и прошения и получать ответы на русском, т.е. общегосударственном языке Империи.

Не правда ли, какой поразительный контраст по сравнению с национальной политикой государств, ныне расположенных на территориях бывших остзейских губерний России. Кстати, в отношении этих губерний в Российской Империи также сохранялся принцип учета местных национальных особенностей путем издания особых узаконенийⁱⁱ. Генерал-Губернатор и гражданские губернаторы в порядке управления Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниями, а также входившей в состав Санкт-Петербургской губернии Нарвой обязаны были руководствоваться местными законами, относящимися к законам гражданским, правам состояний (т.е. сословий), особому учреждению местных властей и мест губернского управления, к порядку гражданского и уголовного судопроизводства. В отношении этих местностей допускались изъятия из общеимперских законов об уголовных и исправительных, или, как сейчас принято говорить, административных, наказаниях, о земских повинностях (местных налогах) и разных отраслей казенного управления, государственного благоустройства и благочиния.

Не менее показательной является политика Российских Самодержцев в отношении Польшиⁱⁱⁱ.

Еще до образования Царства Польского, в только что присоединенном к России Герцогстве Варшавском был создан Верховный Совет, соединивший все части управления Герцогством, и имевший в соответствии с Именным Высочайшим Императорским Указом от 1 февраля 1814 г. цель «дать надлежащий ход делам и способ снискивать обиженным правосудие под защиту своих соотечей». При этом Императором Александром I были отменены государственные подати, составлявшие более 8 000 000 злотых годового дохода. Были предприняты меры для того, чтобы русские войска по территории Герцогства следовали только по военным дорогам. С нижними чинами, «кои не военной дороге следовать будут», повелевалось обращаться, как с беглыми.

Манифестом от 9 мая 1815 года было провозглашено переименование отошедшей к России части Герцогства в Царство Польское, управление которым основывалось на особенных правилах, «свойственных наречию, обычаям жителей и к местному положению применимых».

В том же году была издана Конституционная Хартия Царства Польского, подробнейшим образом определявшая особенности управления краем.

Хартия предусматривала равную защиту закона всем гражданам без различия сословия и звания. Ею была гарантирована свобода печати. Всякая собственность была объявлена священной и неприкосновенной. В статье 26 Хартии говорилось, что «никакая власть не может посягнуть на нее (собственность – А.С.) под каким бы то ни было предлогом». Наказание конфискацией имущества было отменено и ни в каком случае не могло быть восстановлено. Уступка собственности в видах общественной пользы допускалась за справедливое и предварительное вознаграждение.

Гражданам Царства Польского была гарантирована личная неприкосновенность: «Никто не может быть взят под стражу иначе, как с соблюдением форм и в случаях, предусмотренных законом (ст. 19); причины задержания должны быть объявлены взятому под стражу немедленно письменно (ст. 20); никто не подлежит наказанию иначе, как на основании действующих законов и решения соответствующего установления (ст. 23)». Более того, Хартия устанавливала, что «каждый осужденный отбывает наказание в пределах Царства (ст. 25)».

Статья 11 Хартии устанавливала принцип, согласно которому «различие христианских вероисповеданий не устанавливает никакого различия в пользовании гражданскими и политическими правами». Покровительство законов и правительства распространялось на духовенство всех исповеданий. Имущество римско-католической и греко-униатской церкви было признано общей неотчуждаемой собственностью каждой. Более того, согласно Хартии за

епископами римско-католической церкви по количеству воеводств и одним греко-униатским епископом было закреплено право участвовать в работе сената Царства Польского.

Польский государственный долг гарантировался.

Сохранялась особая польская армия, состоящая из действительной армии и милиции. При этом было установлено, что польская армия никогда не будет использоваться вне Европы. Сохранялись все польские гражданские и военные ордена, а именно: Белого Орла, св. Станислава и Военного Креста.

Расходы по содержанию расквартированных в Царстве Польском или следующих через его территорию частей русской армии в полной мере относилось на счет Императорской казны.

В случае назначения Наместников Царства Польского кого-либо иного, кроме Великого Князя, наместник мог быть назначаем только из местных уроженцев, или после пятилетнего пребывания в крае при беспорочном поведении из лиц, получивших права гражданина Царства Польского, сделавшихся собственниками находящегося в Царстве Польском недвижимого имущества и изучивших польский язык.

Все государственные дела по администрации, судебной и военной части без всяких изъятий должны были производиться на польском языке.

Военные и гражданские должности в крае могли замещаться только поляками.

Все наследники Императорского Престола обязаны были под клятвой, приносимой при короновании, сохранять и требовать сохранения Конституционной Хартии.

За польским народом было закреплено право на народное представительство - сейм. Польский сейм состоял из двух палат: сената и палаты, состоящей из послов и депутатов от гмин.

Сенат состоял из принцев Императорской и Царской крови, епископов, воевод и кастелянов. Число сенаторов не могло превышать половины числа послов и депутатов от гмин. Палата послов состояла из семидесяти семи послов, избранных сеймиками, т.е. собраниями дворянства, и из пятидесяти одного депутата, избираемого гминами. При этом послы и депутаты не имели права занимать какой-либо должности, соединенной с получением жалованья из государственного казначейства.

Членам польского сейма, как и финляндского, гарантировалась неприкосновенность. Член сейма без согласия последнего не мог ни быть взят под стражу, ни судим уголовным судом.

Компетенция сейма была чрезвычайно широка. На обсуждение сейма представлялись все проекты гражданских, уголовных и административных законов, проекты изменения или замены предметов ведения конституционных установлений и властей, как то: сейма, государственного совета, суда и правительственных комиссий.

Обсуждению сейма подлежали вопросы об увеличении или уменьшении податей, пошлин и государственных повинностей, а равно о желательных изменениях таковых, о лучшем и наиболее справедливом их распределении, о составлении бюджета доходов и расходов, урегулировании монетной системы, о наборе новобранцев и другие. В случае неприятия сеймом нового бюджета, до ближайшей сессии сохранял силу прежний бюджет.

Проекты законов принимались большинством голосов, причем голоса должны подаваться вслух, т.е. гласно и поименно. Проект закона, принятый одной из палат не мог изменяться другой. Примечательно, что произносить написанные речи могли только члены государственного совета и члены комиссий соответствующих палат, остальные же члены сейма могли говорить не иначе, как по памяти.

Конституционная Хартия провозглашала несменяемость и независимость судей. Наряду с пожизненным назначением судей Российским Императором, был введен принцип выборности судей. Мировые судьи, напомним – это Хартия 1815 года, были выборными. В ведении польских судов находились все гражданские и уголовные дела, за исключением дел о государственных преступлениях.

Вряд ли, помятуя зверства XX века, подобный режим можно назвать столь любимым известными кругами словом «оккупация». И не вина Российских Самодержцев, что подобные права и привилегии были использованы во вред России.

Монархический принцип исходит из того, что в отношении Бога человек не имеет прав, но одни только обязанности. Права в отношении других людей существуют только в той мере, в какой они необходимы для исполнения обязанностей перед Богом, и лишь в той степени, в какой эти обязанности исполняются. Это в полной мере распространяется на все субъекты права, как на отдельного человека, так и на народ. Поэтому, дабы воспрепятствовать злоупотреблению правами и установить прочные начала мира и спокойствия в крае, Император Николай I в 1832 году был вынужден внести определенные изменения в порядок управления, дарованный полякам Его Августейшим Братом.

Тем не менее, в Царстве Польском управление осталось сообразованным с местными потребностями. Оно имело свои особенные Гражданское и Уголовное Уложения. Были сохранены все ранее существовавшие в городах и в сельских обществах местные права и установления на прежнем основании и в прежней силе.

Высочайше утвержденная Манифестом от 14 февраля 1832 год грамота провозглашала:

«Покровительство законов распространяется равным образом на всех жителей Царства, без всякого различия состояний или званий.

Свобода вероисповедания подтверждается в полной мере; всякое богослужение может быть отправляемо всеми без исключения, открыто и беспрепятственно, под защитой Правительства и различия в учении разных Христианских вер не могут быть поводом ни к какому различию в правах, всем жителям Царства дарованных. Священнослужители всех исповеданий состоят в равной степени под покровительством властей. Впрочем, вера Римско-Католическая, как исповедуемая большей частью подданных Наших Царства Польского, будет всегда предметом особенных попечений Правительства. Имена, принадлежащие Духовенству Римско-Католическому и Греко-Униатскому, признаются общей неотчуждаемой собственностью церковной Иерархии, каждого из сих вероисповеданий по принадлежности».

Наказание конфискацией имения определялось только за Государственные первой степени преступления.

Обнародование мыслей посредством книгопечатания подвергалось лишь тем ограничениям, которые были необходимы для охранения должного уважения к вере, неприкосновенности Верховной Власти, чистоты нравов и личной чести.

В то же время финансы Царства Польского, так же как и прочие части Управления, по-прежнему, заведывались отдельно от Управления других частей Империи.

Государственный долг Царства Польского был, по-прежнему, охраняем ручательством Правительства и уплачиваем из доходов Царства.

Банк Царства Польского и существовавшие до 1832 г. кредитные для недвижимых имений учреждения, были, как и раньше, под покровительством Правительства.

Армия в Империи и Царстве стала составлять одно целое, без различия войск Русских и Польских.

Те из подданных Российской Империи, которые, поселясь в Царстве Польском, приобрели в нем недвижимую собственность, стали пользоваться всеми правами коренных жителей, также как и подданные Царства Польского, поселившиеся и имеющие недвижимую собственность в прочих областях Империи.

Подданные Российской Империи, пребывавшие временно в Царстве Польском, также как и подданные Царства, имевшие пребывание в других частях Империи, равным образом были подчинены законам того края, в котором пребывали.

Было сохранено местное самоуправление в виде Собраний Дворянства, Собраний Городских и Сельских Обществ и Советы Воеводств. Все они составляли списки кандидатов на административные должности, и их мнение при определении к разным должностям должно было учитываться правительством.

Была подтверждена выборность судей, которые могли отрешаться от должности не иначе, как по приговору вышестоящего суда.

Именно Императорской волей, которой зачастую противоречило местное дворянство, живущие в Царстве Польском крестьяне были освобождены от барщины. Именно велением Русского Самодержца польским крестьянам предоставлялись льготы и освобождения от повинностей в пользу помещиков. Большинство из этих повинностей вели свое происхождение еще от независимой Речи Посполитой.

Именным Указом Императора Александра II от 19 февраля (2 марта) 1864 года состоявшие в пользовании крестьян земли, а также жилые и хозяйственные строения, рабочий скот, инвентарь и семена были переданы крестьянам в частную собственность, а недоимки в пользу владельцев имений отменены. При этом, прежним владельцам земли вознаграждение выдавалось из казны. Именно заботой Русской Государей польские крестьяне были допущены к участию в делах сельского управления.

Тем же самым принципам следовала Российская Империя и в отношении других народов, в частности - молдавского. В соответствии с Уставом образования Бессарабской Области^{iv} от 29 апреля 1818 года, учреждался Верховный Совет. Он был создан для заведывания всеми распорядительными, исполнительными, казенными, т.е. финансовыми и экономическими делами Области, а также для рассмотрения гражданских, и уголовных дел в апелляционном порядке, осуществления необходимых следственных действий и иных вопросов

Верховный Совет состоял из президента, четырех членов областного правительства и шести депутатов, избираемых от дворянства края, в том числе Областного Предводителя Дворянства. Решения Верховного Совета, принимались большинством голосов. Депутатов же в нем было, как мы видим, больше, чем чиновников по должности.

Дела в Верховном Совете велись как на русском, так и на молдавском языках с соблюдением законов Российской Империи и с сохранением местных прав и обычаев в отношении частной собственности. Гражданские же дела и вовсе велись на одном молдавском языке и рассматривались на основании молдавских законов и обычаев.

В гражданский и уголовный суды Бессарабской Области члены суда были, как назначаемы, как тогда говорилось, «от короны» – по 3 человека для каждого суда, так и избираемы молдавским дворянством – также по 3 человека. Производство по уголовным делам, как во время суда, так и во время следствия велось на русском (для удобства надзора) и молдавском языках. Все приговоры читались на молдавском языке. В порядке гражданского судопроизводства в обеспечение прав, преимуществ и местных законов употреблялся только молдавский язык.

29 февраля 1828 года утвержденное Императором Николаем I Учреждение об управлении Бессарабской областью^v законодательно закрепило принципы особого управления краем.

Прежде всего, было подтверждено, что жители Бессарабской Области всех сословий, приобретя права Российских подданных, сохраняют все те права и преимущества, которыми они ранее пользовались.

Бессарабскому Дворянству и в Бесарабии, и в России были предоставлены все права и преимущества, Всемилостивейше дарованные Дворянскою грамотою и прочими узаконениями.

Крестьяне, в Бесарабии поселенные к моменту издания Учреждения, и впредь поселяемые, не могли быть в крепостном владении ни у Бессарабских помещиков, ни у Дворян Российских. Вследствие сего, Российские Дворяне, жительствующие в Бесарабии, могли иметь там только дворовых крепостных людей, и то для личной и дворовой услуги, а не для поселения их на земле.

Жители Бессарабской Области освобождались от рекрутской повинности.

Начала соблюдения интересов местного населения неизменно применялись и в отношении народов Закавказья^{vi} и Средней Азии.

Так, в Высочайшем Манифесте от 12 сентября 1801 года Император Александр I объявил, что в вошедшей в состав Российской Империи Грузии «каждый пребудет при преимуществах состояния своего, при свободном отправлении своей веры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранят уделы свои, кроме отсутствующих, а сим годовой доход с уделов их ежегодно производим будет деньгами, где бы они не обретались». К управлению Грузией призывались избранные по их достоинствам и общей доверенности представители от местных жителей. Все же налоги, собираемые в Грузии, направлялись на пользу самих грузин, для восстановления разоренных городов и селений.

Изданным в тот же день Императорским Рескриптом были сохранены все состояния (сословия) обитателей царства Грузинского при своих правах и преимуществах. Само собою, разумеется, из данного правила были изъяты все занимавшие чины и места наследственно, за что им полагалось соответствующее вознаграждение. Сборы государственные в казну и, особенно Царскому дому прежде принадлежавшие, повелено было привести в такое положение, чтобы это не только не произвело излишнего отягощения жителям, но и подавало бы им всевозможное облегчение, свободу и ободрение в их упражнении. В Высочайшем воззвании к Грузинскому народу Русский Государь обязался ограждать новых его подданных «от внешних нашествий, сохранять обывателей (т.е. население – А.С.) в безопасности личной и имущественной и доставить правление бдительным и сильным, всегда готовым дать правосудие обиженному, защитить невинность и в пример злым наказать преступника».

«А посему, - писал Император Александр I, - да не дерзнет никто самовольно и насильственно удовлетворять иску своему, но да принесет жалобу свою в учрежденных для того местах, - надеясь несомненно, что получит скорое и беспристрастное решение».

Тогда же было утверждено Постановление внутреннего в Грузии управления, создавшее в Царстве четкую структуру власти. Оно предусматривала неизменное привлечение к ее отправлению местного дворянства. Верховное Грузинское Правительство было поделено на четыре экспедиции: для дел исполнительных или правления, одним из троих членов которой постановлено было быть грузинскому князю; для дел казенных и экономических, в составе 6-ти человек, из которых было два картлинских и два кахетинских князя, а также губернский казначей; для дел уголовных, в составе начальника из российских чиновников и 4-х советников из князей грузинских; для дел гражданских, такого же состава, как и в экспедиции по делам уголовным. Таким образом, в Верховном Грузинском Правительстве, состоящем всего из 20 человек, 13 человек были грузинами. При этом, дела в Правительстве решались окончательно и большинством голосов. В уездных судах под председательством российского чиновника заседали по два заседателя из местных дворян.

В управе земской полиции каждого уезда наряду с капитаном-исправником из российских чиновников также состояло два есаула из местных дворян. Из местного населения, освобожденного от рекрутской повинности, формировалась грузинская милиция. Городскими казначеями и полицмейстерами назначались только грузинские дворяне. Постановлено было, что в первый год назначение должностных лиц из грузинских князей или дворян осуществлялось по усмотрению главнокомандующего из лиц, отличаемых общим уважением и доверенностью своих сограждан, а по прошествии одного года – по воле самих грузинских князей и дворян. Вышедшие из Карабаха армяне оставались под начальством своих меликов.

Дела гражданские предписано было производить по грузинским обычаям и по изданному Царем Вахтангом Уложению, как коренному грузинскому закону. Уголовные же дела должно было производить по российским законам, сообразуя их, тем не менее, с «умоначертаниями» грузинского народа. При рассмотрении уголовных дел Главнокомандующему было поручено истребить, практиковавшиеся в Грузии до ее присоединения к России, пытки и смертную казнь, давно отмененные в Империи.

19 апреля 1811 года Императором было утверждено Положение о временном управлении Имеретинской областью, предусматривавшее создание для управления областью

Областного правления из трех экспедиций: исполнительной, казенной, суда и расправы. Российские чиновники – начальники экспедиций, имели по два асессора из имеретинских князей. По гражданским делам, если в грузинских законах не было пробелов, надлежало руководствоваться, на основании существующего в Грузии порядка, законами Царя Вахтанга. При этом, в случае надобности Правитель области собирал для сведения о каком-либо существовавшем законе или обычае общее собрание Областного правления, привлекая к нему и посторонних лиц из имеретинских князей или дворян.

В соответствии с утвержденным Императором Александром II Положением об управлении Сухумским отделом для исполнения полицейских обязанностей из местных жителей была учреждена земская стража, а для наблюдения за благочинием и порядком в селениях в каждом из них по выбору общества назначались старшины, бывшие, вместе с тем, и сборщиками податей. Разрешение незначительных споров, возникающих между местным населением, было возложено на третейские суды. В разбиравшем же иные дела окружном суде, состоявшем из пяти человек, четверо избирались от населения округа: один от высшего и три от низшего сословий. При рассмотрении дел Главным судом Отдела, служащим апелляционной инстанцией, участвовало помимо трех членов по назначению правительства, восемь выборных лиц от местного населения, по два от каждого округа: один по выбору от высшего и один – от низшего сословий. Сообразуясь с местными обычаями, местная знать сохраняла, как правило, свой владетельный статус, и, кроме того, получала высокие чины и вознаграждения. Так, владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе был удостоен звания генерал-адъютанта, ему была пожалована кроме денежного вознаграждения за таможенные сборы ежегодная аренда в 10 тыс. рублей, а старший сын его был зачислен в малолетстве офицером в лейб-гвардии Преображенский полк. За отказ мингрельского князя Николая Дадиани от владетельного права ему было пожаловано 1 млн. рублей единовременно, и сверх того его матери, княгине Екатерине, с другим сыном и дочерью пожизненная пенсия. Титул князя мингрельского, с тем, чтобы фамилия «Мингрельский» с титулом светлости переходила к старшему в роде, был оставлен, без прибавления к родовой фамилии Дадиани именованию «Мингрельский», другим членам славного рода с титулованием светлостью. Дербентский владетель Шейх Али Хан еще 1 сентября 1799 года был пожалован Императором Павлом I в третий класс по табели о рангах (чин генерал-лейтенанта).

Бакинские владельцы, ханы Шишинские и Карабагские, ханы Шакинские и ханы Ширванские в порядке преемства старшинства в роде утверждались в своих титулах Императорскими грамотами, жаловались знаменами с гербом Российской Империи и саблями, наследственно хранившимися в каждом владетельном доме.

При приеме в подданство населения этих кавказских ханств народы соответствующих владений по правам приравнивались к иным российским подданным, освобождаясь, впрочем, от обязанности военной службы.

Власть, сопряженная с внутренним управлением, суд и расправа по сохраняемым обыкновениям, не противоречащим, конечно же, началам милосердия, а равно и доходы с владений сохранялись за прежними владетелями.

Показательна политика Российской Империи в отношении народов Российской Средней Азии^{vii}. Кстати, благодаря, именно, переходу Бухарского эмирата и Хивинского ханства под протекторат Российской Империи (1873 г), там было отменено рабство и работорговля.

Прекрасной иллюстрацией национальной политики в Средней Азии является изданное в 1892 году Положение об управлении Туркестанского края. Прежде всего, в нем был закреплен давний принцип равных прав: «Туземцы Туркестанского края (кочевые и оседлые), живущие в селениях, пользуются правами сельских обывателей, а проживающие в городах — правами городских обывателей. Преимущества, присвоенные другим состояниям Российской Империи, приобретаются туземцами на основании общих законов».

Вместе с тем, местному населению предоставлялись и весьма существенные преимущества. Так, за исключением должностных лиц, а также случаев, когда преступления совершались против русских лиц или русских поселений, а также проступков между туземцами различных местных народностей, дела разрешались на основании существующих в каждой из них обычаев, кроме одиннадцати видов особо опасных преступлений, в частности:

1) против веры Христианской; 2) государственные; 3) против порядка управления; 4) по службе государственной и общественной; 5) против постановлений о повинностях государственных и земских; 6) против имущества и доходов казны; 7) против общественного благоустройства и благочиния: а) нарушения устава карантинного, б) нарушения постановлений против повальных и прилипчивых болезней и в) нарушения правил о ветеринарно-полицейских мерах по предупреждению и прекращению заразных и повальных болезней на животных и по обезвреживанию сырых животных продуктов; 8) против общественного спокойствия и порядка: а) составление злонамеренных шаек и притонодержательство, б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимых по законам Империи, в) укрывательство беглых, г) порча телеграфов и дорог; 9) против законов о состояниях; 10) против жизни, здоровья, свободы и чести: а) убийство, б) нанесение ран и побоев, последствием коих была смерть, в) изнасилование, г) противозаконное задержание и заключение; 11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом и истребление граничных меж и знаков, б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества и подлоги русских документов.

Нет надобности говорить о том, что туземцы были, естественно, освобождены от обязанности воинской службы.

Активнейшим образом местное население участвовало в управлении краем. Заведывание частями, на которые делились населенные туземцами города, возлагалось на старшин (аксакалов), избравшихся домовладельцами. Волостные управители, сельские старшины и их помощники также избирались населением. При этом кому-либо из чиновников запрещалось вмешиваться в направление выборов. Старший аксакал, осуществлявший высший политический надзор в городе и командовавший низшими полицейскими служителями из туземцев, также назначался из представителей местных народностей. Заведывание ирригационной системой также осуществлялось туземцами: главными оросительными каналами (арыками) возлагалось на арык-аксакалов, а побочными – на мирабов – по избранию сельских сходов.

Сельским старшинам и их помощникам выплачивалось жалованье, определяемое сельским сходом соразмерно величине селения и его благосостоянию, но не свыше 200 рублей в год. Арык-аксакалам по определению военного губернатора также назначалось жалованье в размере не выше волостного управителя. Назначение же и выдача содержания мирабам зависело от усмотрения обществ. За усердную службу, а также за знание русского языка должностные лица общественного управления туземцев награждались денежными выдачами и почетными халатами.

Оседлые и кочевые туземцы имели специальную систему народных судов, избираемых населением из жителей соответствующих волостей. Народный суд совершался публично и гласно.

Народные судьи, не пребывавшие на заседания без уважительных причин, подвергались денежным взысканиям в десять рублей. Характерно, что, как и в остальных национальных частях Империи, взыскиваемые судами денежные средства, в том числе и налагаемые на судей взыскания, направлялись на обустройство мест заключения.

Земли и воды, состоявшие в пользовании оседлого земледельческого местного населения, были утверждены за ним на основаниях, установленных местными же обычаями. Порядок пользования также определялся сообразно существовавшим в каждой местности обычаям. Постройки и насаждения, произведенные отдельными домохозяевами, закреплялись в собственность частных лиц. Наследование земель и их

раздел осуществлялись опять же по соблюдаемым в каждом месте между туземцами обычаям.

Городские земли состояли во владении, пользовании и распоряжении городских обществ, причем, усадебные участки, отведенные городским жителям в черте городов, признавались частной собственностью соответствующих лиц.

Государственные земли, занимавшиеся кочевыми туземцами, на основании обычаев предоставлялись в их бессрочное общественное пользование, порядок которого определялся местными обычаями.

В отношении инородцев русского Севера и Сибири: бурят, тунгусов, остяков, богуличей, якутов, чукчей, коряков и др. применялись те же принципы.

В соответствии с Уставом об управлении инородцев, разработанным М.М. Сперанским в бытность его сибирским генерал-губернатором в 1818-1821 г.г., оседлые инородцы, исповедовавшие христианство, сравнивались с Россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступали. Управление ими осуществлялось на общих основаниях.

Инородцы же, исповедовавшие язычество или ислам и называемые иноверцами, жившие отдельными деревнями включались в число государственных крестьян с освобождением, однако, от воинской повинности, а состоявшие в казачьем звании – оставались в казачьем звании. Кочующие народы вообще оставались на прежних правах. За всеми инородцами, носящими почетные звания, как-то: князцы, тоены, тайши, зайсаны, шуленьги и пр., соответствующие звания сохранялись. Местная знать продолжала пользоваться теми почестями, которые были установлены их местными обычаями и законами. Управление инородцами осуществлялось их родоначальниками и почетными людьми, из которых составлялись органы местного самоуправления (думы) и назначались должностные лица (старосты и их помощники). Кочующие инородцы управлялись по законам и обычаям, каждому племени свойственным. За инородцами были утверждены все, находившиеся в их владении по древним правам, земли. При недостатке земель им отводились дополнительные, из государственного запаса. Северные и сибирские инородцы имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами.

К уголовной ответственности населяющие соответствующие территории инородцы привлекались только за следующие виды преступлений: мятеж, умышленное убийство, грабеж и насилие, а также за фальшивомонетничество и хищение казенного или общественного имущества. Все прочие дела были отнесены к разбираемым в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, в Российской Империи, как мы видим, инородцы, ставшие подданными Русского Царя, сохраняли свои вековые права и, в то же время, получали по сравнению с русскими весьма значительные преимущества.

Говоря о национальной политике в Российской Империи, нельзя, конечно же, обойти молчанием и правовое положение евреев^{viii}. Почему-то считается, что этот вопрос наиболее известен. Однако, как выясняется, знания большинства ограничиваются весьма смутными представлениями о пресловутых «процентной норме» и «черте оседлости». Политика же России в отношении евреев была гораздо более подробно разработанной и отличалась более существенной дифференциацией, включая предоставление льгот и преимуществ по сравнению с правовым положением русского населения.

Сразу необходимо оговорить, что особые правила, как о предоставлении льгот, так и об ограничениях, распространялись только на евреев, исповедовавших иудаизм. Поэтому далее мы будем говорить только об этой части еврейского народа, состоявшего в подданстве России.

Но обратимся, все же, для начала, к так называемой «процентной норме» и «черте оседлости».

Здесь, прежде всего, следует помнить, что евреи составляли всего около четырех процентов населения Империи.

По общему правилу евреям, окончившим гимназический курс, получившим аттестаты и пожелавшим приобрести высшее образование, позволялось вступать для продолжения наук в Университеты, Академии и другие высшие учебные заведения по всей Империи. Ученики, окончившие курс учения в реальном училище и дополнительном классе, а также лица, имеющие свидетельства о знании этого курса, могли поступать в высшие специальные училища: подвергаясь только поверочному испытанию. Таким образом, всем евреям, окончившим гимназический курс, были открыты все высшие школы Империи.

Лучшие из студентов-евреев на медицинских факультетах принимались на казенный счет, им давались права государственной службы и повсеместное право жительства. Стоило еврею окончить университет кандидатом, он получал право поступать на службу по всем ведомствам и заниматься торговлей и промышленностью во всей России. При этом он мог вместе с собой содержать в России и целую колонию единоверцев в качестве родственников, приказчиков, конторщиков.

Окончившие уездное училище евреи пользовались сокращенным сроком военной службы на 10 лет. Гимназия сокращала этот срок на 15 лет, а окончившие с отличием вовсе освобождались от военной службы. С введением воинской повинности, имевшей большие льготы по образованию, которые распространялись на всех подданных Империи, был придан новый импульс к поступлению евреев в русские школы. Еврейским детям поступление в реальные училища и гимназии было разрешено без экзамена в первый класс, если они прошли успешно первые четыре года начального еврейского училища.

В 1859 году обучение детей евреев - купцов и почетных граждан стало обязательным.

Для облегчения евреям доступа в русские школы в 1863 году были учреждены особые стипендии общей суммой в 24 000 рублей. Решено было также допустить евреев в русские гимназии, не стесняясь нормой оседлости, причем семейства евреев получали право жить в тех городах, где учились их дети.

Если в 1865 году число обучавшихся в гимназиях евреев доходило в России до тысячи, составляя всего 3,5 процента, то через 10 лет это число увеличилось почти до пяти тысяч, т.е. до 9,5 процента всех учащихся, а еще через десять лет дошло до 7,5 тысячи, т.е. почти до 11 процентов, причем некоторые гимназии в черте оседлости включали уже 19 процентов евреев. За двадцать лет количество евреев в университетах выросло в 14 раз.

В отношении же приема в учебные заведения существовали следующие «ограничения» (учтем, что за пределами черты оседлости евреи составляли не четыре, как в среднем по Империи, а один-два процента населения):

в отношении приема евреев в высшие учебные заведения всех ведомств, за исключением консерваторий Императорского Русского Музыкального Общества: *три* процента для столичных учебных заведений, *пять* процентов для находящихся в прочих местностях Империи вне черты еврейской оседлости и *десять* процентов в районе оседлости;

в отношении правительственных средних учебных заведений, содержащихся на средства государственного казначейства: *пять* процентов общего числа учащихся в столичных учебных заведениях, *десять* процентов в учебных заведениях прочих местностей Империи, вне черты еврейской оседлости, и *пятнадцать* процентов в районе оседлости.

Число евреев, допускаемых по званию аптекарского помощника к слушанию лекций в университетах для подготовки к получению звания провизора, ограничивалось, по отношению к общему числу таких слушателей в каждом университете, нормами: в *шесть* процентов для Московского Университета, в *десять* процентов для университетов прочих

местностей Империи, вне черты еврейской оседлости, и в *двадцать* процентов для университетов в районе означенной оседлости.

Прием евреев в неправительственные средние учебные заведения допускался безо всяких ограничений.

В 1889 году попечителям учебных округов было разрешено принимать лучших из учеников-евреев сверх нормы. Причем под лучшими понимались те, кто имел средний балл не менее 3,5. В 1892 году перевод учеников-евреев стал производится из класса в класс «не соображаясь с нормой», а в 1896 году процентные нормы предписывалось относить ко всему числу учащихся, а не к числу поступающих в данном году, чем норма фактически была существенно увеличена.

С 1903 года евреи при наличии вакансий принимались в гимназии и сверх нормы.

Безо всяких ограничений принимались евреи в средние художественные училища, в торговые, художественно-промышленные, технические и ремесленные училища ведомства Министерства Торговли и Промышленности, в зубоврачебные школы, а равно в низшие технические училища Министерства Народного Просвещения.

Вступившие в училища дети евреев не принуждались к перемене их веры и не обязаны были посещать тех уроков, на которых преподавалось Христианское вероучение. Вместе с тем, евреям предоставлялось право обучать детей своих закону веры по собственной их воле, в училищах, или у частных учителей.

Поскольку старики-евреи неохотно отдавали детей в русские школы, правительство ещё в 1844 году учредило целую систему еврейских школ, соответствующих русским приходским и уездным. Были заведены даже особые раввинские училища (с курсом гимназий) для подготовки учителей еврейского закона. На эти училища были распространены льготы русских гимназий. «Для вящего поощрения евреев к образованию» им были даны особенные преимущества. Сверх дозволения детям евреев поступать в казенные и частные христианские училища, а также учрежденные для них особые казенные еврейские училища, евреи могли заводить свои собственные, частные или от обществ, училища для образования своего юношества в науках и искусствах и для изучения правил их вероисповедания.

Что же касается фактического числа иудеев обучавшихся в университетах, то «процентная норма» практически никогда не соблюдалась. Так, в 1905 году в университетах евреев было: в Петербургском – 5,6 % (вместо 3 %); в Московском – 4,5 %; в Харьковском – 12,1 %; в Казанском – 6,1 %; в Томском – 8,3; в Юрьевском – 9 %; в Киевском 17, 2 % (вместо 10 %); в Варшавском – 38, 7; в Новороссийском (Одесса) – 17,6%.

В 1906 году Петербургский университет принял 18 % евреев (вместо 3 %), Харьковский – около 23, Киевский – 23 %, Новороссийский – 33 %, Варшавский – 46 %. Прибавьте к этому так называемых вольнослушателей-евреев и вольнослушательниц-евреек (между последними евреек было 33 %). В 1908 году евреи, общее количество которых, напомним, не превышало 4 % от населения Империи, составляли 12 % всего российского студенчества (не принимая в расчет евреев-неиудеев). В конце концов, с 1916 года процентная норма не распространялась на евреев-участников войны *и их родственников*. Учитывая всеобщую мобилизацию, это было равносильно полной отмене процентной нормы. Проф. Левашов в Гос. Думе указывал (14 марта 1916 г.), что на первый курс медицинского факультета Одесского университета поступило на 586 человек 390 евреев, причем прием студентов, надо полагать, был произведен до указанной отмены, т.е. до начала учебного 1915-1916 года. Таким образом, как и показала последующая жизнь, «процентная норма», установленная в силу известных обстоятельств, не была абсолютной и вполне соответствовала принципу пропорциональности прав и даже более.

То же относится и к «черте оседлости». Прежде всего, следует отметить, что за евреями было сохранено право проживания на той территории, на которой они жили до

включения их в состав Российской Империи. Площадь этих территорий равнялась почти половине Западной Европы.

Во-вторых, ограничение возможности к переселению во внутренние губернии было с удовлетворением встречено большинством ортодоксальных иудеев, не приветствовавших, мягко говоря, возможность ассимиляции.

В третьих, временное проживание вне территорий постоянного жительства дозволялось, например, для принятия наследства, для защиты прав собственности в судебных и правительственных органах, для торговли, обучения, или, как тогда говорилось, «усовершенствования себя в науках, художествах и ремеслах».

Не распространялись правила о жительстве только в пределах территории традиционного расселения на евреек, бывших замужем за христианами, как и на всех евреев-неиудеев.

Значительно были смягчены условия в отношении выбора места жительства для: евреев, окончивших курс в высших учебных заведениях Империи, их жен и детей; евреев купцов первой гильдии и членов их семейств, включенных в их сословное купеческое свидетельство, а также на евреев бывших купцов первой гильдии, в течение пятнадцати лет состоявших в первой гильдии как в черте еврейской оседлости, так и вне ее, и членов их семейств; аптекарских помощников, дантистов, фельдшеров и повивальных бабок; евреев ремесленников, а также на каменщиков, камнетесов, плотников, штукатуров, садовников, мостовщиков и землекопов; на воинских чинов из евреев, кои, участвуя в военных действиях на Дальнем Востоке, удостоились пожалованиями знаками отличия или вообще беспорочно несли службу в действующих войсках.

Главной целью политики Российской Империи в отношении евреев было отнюдь не ограничение их прав или стимулирование эмиграции (причины ограничений – тема отдельного разговора). Провозглашенная Императором Николаем I основная задача состояла в том, чтобы устроить положение евреев «на таких правилах, кои бы, открывая им свободный путь к снисканию безбедного содержания упражнением в земледелии и промышленности и к постепенному образованию их юношества, в то же время преграждали им поводы к праздности и промыслам незаконным».

Большая часть евреев, как известно, перешла в российское подданство в результате распада Речи Посполитой. Естественно, появление в составе российских граждан нескольких миллионов новых этнически обособленных подданных, потребовало упорядочить их юридический статус и принять соответствующие нормативные акты. Уже в 1785 году Императрица Екатерина II объявила, что «когда еврейского закона люди вошли уже в состояние, равное с другими, то и надлежит при всяком случае наблюдать правило... что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона (вероисповедного – А.С.) и народа (национальной принадлежности – А.С.)».

Первым подробным актом, регулирующим правовое положение евреев, стало Положение об устройстве евреев, утвержденное 9 декабря 1804 года Императором Александром I.

Характерно, что Положение это открывалось главой о просвещении евреев, закреплявшей, что «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех Российских народных Училищах, Гимназиях и Университетах». Дети еврейские были принимаемы и в Санкт-Петербургскую Академию Художеств. При этом евреи, способностями своими достигшие в университетах известных степеней отличия в медицине, хирургии, физике, математике и других знаниях, были признаваемы и производимы в университетские степени наравне с прочими российскими подданными.

Никто из детей еврейских, во время его воспитания в общих учебных заведениях, не должен был ни под каким видом отвлекаться от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может.

В случае нежелания евреев отдавать детей своих в общие народные Училища, учреждались особенные школы. Единственное требование относительно изучаемых предметов было введение в программу обучения одного из языков: русского, польского или немецкого. Заметьте, одного, т.е. изучение русского языка не было обязательным, а изучение немецкого языка для говорящих на идиш не представляло больших проблем.

Еврейский язык евреи были вправе употреблять во всех делах, как касающихся их веры, так и в домашних.

Занятие должностей еврейского самоуправления также не было ограничено знанием исключительно русского языка. В магистраты, кагалы и раввины могли быть избираемы лица и не знавшие русского языка, но знающие немецкий или польский.

В соответствии с положением евреи были разделены на четыре класса: земледельцев, фабрикантов и ремесленников, купечество и мещан.

Первым властью Российского Императора предоставлялись особые права и привилегии. Прежде всего, было определено, что евреи-земледельцы ни под каким видом не могли быть обращаемы в крепостных. Во-вторых, евреям-земледельцам разрешалось не только покупать землю, но нанимать работников для ее возделывания. Впоследствии было подтверждено право найма евреями работников, в том числе христиан, «а) для работ кратковременных, каковые требуются от извозчиков, судорбочих, плотников, каменщиков и проч.; б) для пособия в хлебопашестве, садоводстве и огородных работах на землях, собственно евреям принадлежащих, и особенно в то время, когда нужна первоначальная обработка сих земель; в) для работ на фабриках и заводах, кроме однако заводов винокурных; г) для должностей комиссионеров и приказчиков по делам торговым; д) для должностей поверенных, приказчиков и служителей по винным откупам; е) для должностей приказчиков и писарей по содержанию почтовых станций».

Евреям разрешалось арендовать земли у помещиков. При этом евреи на пять лет освобождались от всех казенных податей. Для тех, кто не мог ни купить, ни арендовать землю отводилось первоначально 30 000 десятин в плодороднейших губерниях России. Переселившиеся на эти земли, а переселение было исключительно добровольным, освобождались от податей уже на десять лет, по истечении которых они должны были платить налоги наравне с другими поданными. Кроме того, им выдавалась ссуда на общих с колонистами других национальностей условиях.

В Российской Империи евреям разрешалось заводить любые фабрики на том же основании и с той же свободой, как и всем российским поданным. Более того, для учреждения фабрик евреям предоставлялся кредит, причем без какого-либо залога. Российским помещикам ссуда выдавалась под залог.

Евреи-ремесленники были вправе заниматься любыми, не запрещенными общими законами промыслами. Как ремесленники, так и фабриканты из евреев, должны были платить налоги наравне с поданными других национальностей.

Не была запрещена евреям внешняя и внутренняя торговля, включая винную оптом и в розницу. Единственно, евреям запрещалось продавать вино в арендованных ими для земледелия землях, а также в деревнях и селах или в долг. Все долги за приобретенное у евреев вино аннулировались.

Устанавливалось Положением и особое гражданское устройство евреев. Глава IV Положения, прежде всего, закрепляла, что все евреи в России обитающие, вновь поселяющиеся, или по коммерческим делам из других стран прибывающие, свободны и состоят под точным покровительством законов наравне со всеми другими Российскими поданными.

Никто не имел права присваивать себе собственность евреев, располагать их трудом, а тем менее укреплять их лично. Запрещалось кому-либо ни притеснять, ни даже беспокоить их в отправлении веры и в общей гражданской жизни ни словом, ни делом. Жалобы евреев должны были приниматься в присутственных местах и удовлетворяться по всей строгости законов, вообще для всех подданных Российских установленных.

Статья 49 Положения предусматривала, что, «поскольку суд должен быть общий для всех подданных в государстве, то и евреи во всех тяжбах их по имению, в делах вексельных и уголовных имеют ведаться судом и расправой в обыкновенных присутственных местах; из сего следует: 1) что помещики, на землях коих они живут, не имеют над ними права суда ни в тяжбных делах, ни в уголовных; 2) что Третейский Суд в делах тяжбных могут иметь евреи на общем основании и во всей той силе, каковая общими законами Суду сему присвоена».

В городах губернских и уездных евреи были наделены правом избирать одного раввина и несколько кагалных. В местечках помещичьих евреи также могли выбирать раввинов и кагалных, причем, без участия в том помещиков, которым запрещалось собирать какую-либо подать за раввинство, что было обычаем в Польше.

В обязанности раввинов входил надзор за обрядами веры и рассмотрение споров, относящихся к религии. Надо иметь в виду, что законы иудаизма подробно регулируют не только чисто богословские вопросы, но и многие бытовые и другие вопросы жизни евреев.

Кагалы должны были наблюдать, чтоб казенные сборы были исправно вносимы, они могли также расходовать вверяемые им суммы, давая в употреблении их отчет избравшему кагал обществу.

Изданным 13 апреля 1835 года Положением о евреях обязанности кагалов определялись следующим образом: «1) чтобы предписания начальства, собственно к сословию местных жителей из евреев принадлежащие, были исполняемы в точности; 2) чтобы исправно поступали с каждого лица, или еврейского семейства, подати казенные, сборы и доходы городские и общественные; 3) чтобы деньги, подлежащие передаче в уездные казначейства и другие места, отсылаемы были без промедления, по принадлежности; 4) чтобы расходы, возложенные на сословие евреев его ведомства, были выполняемы надлежащим образом. 5) чтобы суммы, в кагал поступающие, хранимы были в целости. Посему вступающие в кагал деньги хранятся за ключом приемщика, но за печатями всех членов». При этом, в соответствии с § 70 Положения кагалные, во время исправления должности, пользовались почетными правами купцов 2-й гильдии, если не принадлежали к высшей.

Говоря современным языком, евреи сами себе из своей среды избирали особых судей и налоговых инспекторов.

В 1844 году кагалы были упразднены, но было сохранено право евреев самостоятельно осуществлять раскладку сборов. Евреи продолжали избирать из своей среды сборщиков податей и их помощников (§ 16 Положения о подчинении евреев в городах и уездах общему управлению).

Сельские общества и городские сословия евреев, участвуя в платеже податей и других общественных сборов, распределяли налоговое бремя между собой по общему приговору, сообразно с состоянием и средствами каждого. При раскладке податей старые, увечные и убогие евреи причислялись к тем обществам, к которым они принадлежали по родству, а не имеющие родственников, распределялись для платежа податей по всем еврейским обществам той губернии, по соразмерности числа душ.

Еврейские сельские общества и городские сословия должны были также: 1) наравне с обществами других вероисповеданий, иметь попечение о призрении престарелых, увечных и больных своих единоверцев (в связи с этим дозволялось устраивать особенные больницы и богадельни, в том числе и с помощью, оказываемой Приказами Общественного Призрения); 2) заботиться об отвращении «бродяжества», учреждая заведения, в которых бедные могли бы находить работу и содержание.

Еврейские городские сословия могли участвовать в выборах в общественные должности, причем, евреи, умеющие читать и писать по-русски, могли быть избираемы в члены Городских Дум, Магистратов (не еврейских) и Рагуш, на том же основании, как избирались на эти должности, лица других вероисповеданий.

Такова истинная картина положения иных, помимо русского народа, национальностей Российской Империи. В Российской Империи, в отличие от предлагаемых сторонниками «глобализации» мер по установлению «нового мирового порядка», не только не оказывалось противодействия обеспечению национальной идентичности, но, наоборот, создавались условия для всяческого сохранения самобытности народов, развитию их культуры и самосознания.

Примеров притягивания этой политики подвластными Российским Императорам народами множество. Достаточно вспомнить добровольно вставших под Русские Знамена поляков, немцев, казанских и крымских татар, калмыков, башкир, вышедших вместе с русским народом на брань 1812 года.

Или, взять, хотя бы, знаменитую своей беспредельной храбростью «туземную» дивизию. В ней под командованием брата Императора Николая II, Великого Князя Михаила Александровича и офицеров из остзейских немцев, неувядаемой славой покрыли себя по призыву своих старейшин вышедшие на бой за Царя и Отечество чеченцы, ингуши, дагестанцы, кабардинцы и представители других народов Северного Кавказа.

Показателен и такой пример – во время Первой Мировой войны германцы содержали российских военнопленных-мусульман в отдельных лагерях. Однажды один из таких лагерей посетил представитель Германского Императорского Дома и попросил пленных спеть для него молитву. Так вот, не находившиеся под каким-либо давлением русской власти все пленные запели «Боже Царя храни», а когда комендант лагеря замахал руками, чтобы остановить столь неприятное для него выражение верноподданнических чувств, пленные-мусульмане, истолковав жесты коменданта по-своему, продолжая петь молитву Русского народа, опустили на колени. Что могут на это возразить наследники большевиков, против которых во Вторую Мировую войну выступили сотни тысяч сынов якобы освобожденных «интернационалистами» народов? Что могут возразить сегодняшние радетели свободной демократической России, раздираемой холодными и горячими национальными войнами?

ⁱ по материалам: Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903; Корево Н. Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913; Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3/15 Февраля 1899 г. Берлин, 1901.

ⁱⁱ Свод местных узаконений губерний остзейских повелением государя императора Николая Павловича составленный. Часть вторая. Законы о состояниях. СПб., 1845.

ⁱⁱⁱ По материалам: Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815-1881). Библиотека окраин России. № 5. Издание Н.Д. Сергеевского. Заслуженного профессора С.-Петербургского Университета. СПб., 1907; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Том 33. 1815-1816. СПб., 1830; Собрание второе. Том 7. 1832. СПб., 1833; Том 39. Отделение первое. 1864. СПб., 1867. Том 41. Отделение второе. 1866. СПб., 1868; Том 42. Отделение первое. 1867. СПб., 1871; Том 43. Отделение первое. 1868. СПб., 1873; Свод Законов Российской Империи. В пяти книгах. Книга первая. Тома 1-3. Том 2. СПб., 1912.

^{iv} ПСЗРИ. Собрание первое. Том 35. 1818. СПб., 1830.

^v ПСЗРИ. Собрание второе. Том 3. Отделение первое. 1828. СПб., 1830

^{vi} По материалам: Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Том 1. Тифлис, 1866; Дубровин Н. Закавказье с 1803-1806 гг. СПб., 1866; ПСЗРИ. Собрание первое. Том 25. 1798-1799. СПб., 1830. Собрание второе. Том 34. Отделение второе. 1859. СПб., 1861. Том 41. Отделение первое. 1866. СПб., 1868. Том 42. Отделение первое. 1867. СПб., 1871; Документы по истории Грузии. Серия II. Том 1. Грузия в период буржуазных реформ (1862-1872). Часть первая. Тбилиси, 1954; Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С.299-300.

^{vii} По материалам: Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений. Том. 1, СПб., 1889; Свод Законов Российской Империи. В пяти книгах. Книга первая. Тома 1-3. Том 2. СПб., 1912.

---

^{viii} По материалам: ПСЗРИ. Собрание первое. Том 28. 1804-1805. СПб., 1830; Собрание второе. Том 10. Отделение первое. 1835. СПб., 1836; Собрание второе. Том 19. Отделение первое. 1844. СПб., 1845; Свод законов Российской империи. В пяти книгах. Книга третья. Тома 8, ч. 2- 9. Том 9. СПб., [1912].